

Н. И. ЕФИМОВА, А. И. КРАПИВА

Академия хорового искусства имени В. С. Попова, г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-0672-657X, efimova_natalia@list.ru

ORCID: 0000-0001-5780-1843, krapiva_alina@list.ru

Русское музыкальное общество в Дальневосточной Республике: скрепы истории

Статья привлекает внимание к изучению феномена Русского музыкального общества (РМО) на Дальнем Востоке – одном из регионов России, органически вписанных в пространство русской музыкальной культуры. Выходя за пределы дальневосточной регионалистики, авторы акцентируют внимание на линии преемственности, позволяющей говорить о РМО в Дальневосточной республике (ДВР) как о наследнике Императорского Русского музыкального общества (ИРМО), обеспечившем в период политической модернизации страны транзит музыкального наследия от царской России к России советской. Реальная связь исторических эпох обретает содержательность благодаря анализу документальных материалов эпохи. Они являются существенным ориентиром в оценке исторической роли ИРМО, они же свидетельствуют о наследовании Дальневосточным РМО тех форм и методов социально-направленной управленческой работы, которая была апробирована ИРМО и повсеместно внедрялась при реализации поставленных уставных целей. Обеспечивая географическую включённость всех регионов в созидательный процесс культивирования России в музыкальном отношении, эта социокультурная работа, понимаемая в категориях «общественного блага», возводила прочное основание для работы на перспективу. Она же стала залогом эффективного решения масштабного национального проекта – создания музыкальной инфраструктуры страны. Деятельность РМО в ДВР, официальное признание заслуг ИРМО в советизируемом непризнанном государстве, оказались теми скрепами, которые на региональном уровне обеспечили реальную связь исторических эпох.

Ключевые слова: Императорское Русское музыкальное общество (ИРМО), Русское музыкальное общество (РМО), Дальневосточная республика (ДВР), история культурного менеджмента, многовекторная сетевая модель ИРМО.

Для цитирования / For citation: Ефимова Н. И., Крапива А. И. Русское музыкальное общество в Дальневосточной Республике: скрепы истории // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2021. № 1. С. 36–45. DOI: 10.33779/2587-6341.2021.1.036-045.

NATALIA I. EFIMOVA, ALINA I. KRAPIVA

Victor Popov Academy of Choral Art, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0672-657X, efimova_natalia@list.ru

ORCID: 0000-0001-5780-1843, krapiva_alina@list.ru

The Russian Music Society in the Far-Eastern Republic: Bonds of History

The article draws our attention to studying the phenomenon of the Russian Music Society (RMS) in the Far-Eastern Republic (FER), one of the regions of Russia the history of which is inscribed

in the space of Russian musical culture. Exceeding the boundaries of Far Eastern regional studies, the authors accentuate their attention on the line of succession which allows them to speak about the Russian Music Society in the Far-Eastern Republic as the successor of the Imperial Russian Music Society (IRMS) which during the period of political modernization of the country provided the transition of musical heritage from Tsarist Russia to Soviet Russia. The real connection of historical epochs acquires meaning by means of analyzing of the documentary materials of the time. They act as a significant reference point in the evaluation of the historical role of the IRMS, and they are also indicative of the succession of the Far Eastern RMS to those forms and methods of socially oriented management, which were adopted by the IRMS and were widely implemented in pursuit of its statutory objectives. Ensuring the geographical inclusion of all the regions of the country in the process of cultivating Russian musical culture, this sociocultural work, evaluated in the category of “public good,” provided a lasting foundation for work for the perspective future. It was also a guarantee for an effective solution of the large-scale national project – the creation of a music infrastructure of the country. The activities of the RMS in the Far-Eastern Republic, the official recognition of the IRMS in the Sovietized unrecognized state proved to provide the necessary link which on a regional level created a true connection between the two successive historical epochs.

Keywords: Imperial Russian Music Society (IRMS), Russian Music Society (RMS), Far-Eastern Republic (FER), history of cultural management, IRMS multi-vector network model.

В музыкальной истории России имеется немало фактов, которые в силу разных причин из неё устранялись или намеренно умалчивались. В идеологизированных схемах советского искусствознания отсутствовала конкретная информация о созданной в дореволюционной России прочной музыкальной инфраструктуре, выстроенной Императорским Русским музыкальным обществом (ИРМО). Избегалось упоминание роли венценосных особ, принимавших активное участие в созидательном процессе культивирования России в музыкальном отношении, наконец, оставалась без оценки историческая роль ИРМО, внедрившего первую в истории России национальную модель музыкального развития страны [10]. Инновационная для своего времени сетевая конструкция этой управленческой модели вряд ли имела в мире аналог – как по масштабу, так и по эффективности. Однако полноценного изучения данного отечественного опыта всё ещё нет¹.

В Стратегии государственной культурной политики России на период до 2030 года² опасными проявлениями гуманитарного кризиса названы «деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости Российской Федерации»³. «Реабилитация» музыкально-исторического прошлого ИРМО, его адекватная де-идеологизированная оценка становятся актуальными. Они противодействуют искажению российской истории, способствуют пересмотру взглядов на формирование музыкальной культуры России, определению места последней в мировой цивилизации. В существующем компаративном формате, где по недавнему утверждению американского исследователя Констанс Де Веро, «общепризнано, что первые формальные проявления культурного менеджмента были в Соединённых Штатах и Великобритании» [8, p. 7], изучение деятельности ИРМО и

его региональных отделений в контексте реализации государственной культурной политики представляется особенно важным. Сформулированный в пореформенной России и вошедший в число национальных приоритетов масштабный проект, содействующий развитию «вкуса к музыке в России» (из § 1 Устава РМО 1859 г.⁴), вряд ли имел аналог в мировой истории управления культурой. А значит, знание о нём непременно должно учитываться в объективных оценках мировой истории культурного менеджмента.

Темы, связанные с изучением академической музыки в России, изучением культуры русской провинции как текста, позволяющего рассматривать вопросы прошлого и будущего России [11, р. 200], отношений российских центра и регионов также становятся актуальными [5; 7; 9]. Так или иначе, в основе своей, они уводят в дооктябрьскую Россию и связаны с началом комплексной фундаментальной работы ИРМО, сочетающего в сформулированном им формате общественного творческого объединения – музыкально-образовательный, просветительский и филармонический векторы. В постоктябрьское время эта многовекторная работа, практически в сохранённом формате, была продолжена Русским музыкальным обществом (далее в тексте – РМО), наследником ИРМО в Дальневосточной республике (далее – ДВР). Изучение архивных документов позволило не только раскрыть особенности региональной работы Дальневосточного РМО в условиях дрейфа от царской к советской России, но и обнаружить преемственные связи, которые закрепили историческую память о масштабном проекте царской России.

Известно, что ДВР – это суверенное государственное образование, появившееся на политической карте пострево-

люционной России 6 апреля 1920 года⁵. ДВР объединила в своём составе Дальневосточное буржуазно-демократическое государство (с центром в г. Владивостоке) и Дальневосточную рабоче-крестьянскую республику (с центром в городе Верхнеудинске) [3, с. 133]. В обширную территорию были включены Забайкальская, Амурская и Приморская области, Камчатка и полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Регион не испытал на себе опыта реализации политики «военного коммунизма», а взаимоотношения центральной и региональной властей в социокультурном развитии сохраняли адаптивную инерционность. Она заложила фундамент для моста между прошлым и будущим, между использованием позитивных результатов, достигнутых предшественниками и тем новым, что было устремлено вперёд, что шло, подчас, в противовес прежде реализуемой концептуальной идее.

Сроки существования ДВР: май 1920 года – 14 ноября 1922 года. Отечественные историки характеризуют ДВР как «буферное», «непризнанное» государство [1, с. 16]⁶, как «уникальное и не имеющее аналогов в мировой практике государство времён Гражданской войны и иностранной интервенции, представляющее собой своеобразную модель парламентской республики» [4, с. 18], наконец, как «большевистскую мистификацию, направленную на прекращение японской интервенции в регионе, <которая> не была ни тщательно организована, ни безусловно реализована. Однако как продукт слияния национализма и регионализма Дальневосточная республика стала проявлением региональных интеллектуальных моделей и спорадической политики имперской трансформации» [12, р. 292]. Особенности жизни региона способствовали сохранению

в нём бóльшей политической свободы, содействовали «многообразию форм хозяйствования, предпринимательства и частной торговли, особой денежной системы, сильной позиции иностранного капитала» [2, с. 57].

В историческом хронотопе советизации России организация музыкальной жизни в ДВР, как и деятельность РМО, не входили в число приоритетов. Однако инерционно они продолжали движение, заданное ИРМО. Пытаясь сохранить сформированную общую конструкцию формата многовекторной сетевой модели, декларируя преемственность в сохранении её содержательных структур, в наследовании художественно-эстетических идей, творческих принципов, РМО в ДВР выстраивало свою адаптивную конструкцию. Причём, даже после распада ДВР она сохраняла свою жизнеспособность. На это указывает Ю. Л. Фиденко, когда пишет о владивостокском отделении, работа которого в первые десятилетия XX века «способствовала повышению общего художественного уровня дальневосточного региона и послужила фундаментом для музыкально-образовательной и культурно-просветительской системы СССР, во многом востребованной и сегодня» [5, с. 191].

Среди важных трансформаций начала советской эпохи назовём:

1. Переименование Императорского Русского музыкального общества в Русское музыкальное общество, закреплённое в новом Уставе РМО, принятом центральной Дирекцией в марте 1918 года, незадолго до самороспуска ИРМО.

2. Смену Учредителя: вместо председательствующих со дня основания ИРМО представителей императорской фамилии, административное управление отныне подчинялось ведомству Народного Просвещения.

3. Начало дефрагментации прежней имперской конструкции ИРМО с выведением из её состава образовательных учреждений, ставших самостоятельными.

Все эти новации, отражённые в документах первых лет большевистской власти в ДВР, воспринимались по-иному. Изданный большевистским центром Устав РМО, увидевший свет в марте 1918 года, устанавливал: «Учреждённое в 1859 году Императорское Русское музыкальное общество продолжает свою деятельность под именованием “Русское Музыкальное Общество” и состоит в ведомстве Народного Просвещения». В новом трансформируемом документе в Статье 3 сохранялось право РМО «открывать, помимо уже находящихся в его ведении, новые отделения Общества, Консерватории (Академии), музыкальные Училища и иные музыкальные учреждения»⁷. Однако, уже через 4 месяца в июле того же 1918 года революционный центр издаёт Декрет Совета народных комиссаров «О переходе Петроградской и Московской Консерваторий в ведение Народного Комиссариата Просвещения». Декрет подписали: Председатель Совета народных комиссаров В. Ульянов (Ленин), народный комиссар просвещения А. В. Луначарский и управляющий делами Совета народных комиссаров Вл. Бонч-Бруевич. Декрет указывал: «Петроградская и Московская Консерватории переходят в ведение Народного Комиссариата Просвещения на равных со всеми высшими учебными заведениями правах с уничтожением их зависимости от Русского Музыкального Общества. Всё имущество и инвентарь этих Консерваторий, необходимые и приспособленные для целей государственного музыкального строительства, объявляются народной государственной собственностью»⁸.

Начатый центром демонтаж проверенной более чем полувековым опытом успешной работы структурно-управленческой конструкции ИРМО не только противоречил ст. 3 нового Устава РМО, но и не разъяснял целесообразность принимаемых мер. Очевидно, скорость социально-политических изменений была такова, что не позволяла большевистскому руководству своевременно адаптироваться к происходящим переменам и устранять возникающие противоречия в регламентах. Отрицая выстроенную целостность прежней конструкции, укоренённую в политике многовекторной целенаправленной работы, предпринятый шаг одномоментно разрушал саму конструкцию, её фундамент, не предложив ничего взамен. В этом состоял главный негатив, осложнивший процесс преемственности в его целостном формате, апробированном в долгосрочной перспективе. Ошибочность подобных решений признавали даже в Европе. К примеру, австрийский музыковед Гвидо Адлер в своём «Справочнике по истории музыки», изданном в 1930 году, написал: «...революция 1917 года положила конец этой невероятно грандиозной музыкальной институции со всеми её консерваториями, музыкальными школами, концертными организациями, которая вряд ли могла возникнуть и достигнуть таких результатов в какой-либо другой стране»⁹.

Самороспуск РМО в столицах революционной России никак не повлиял на деятельности РМО в Дальневосточной республике. Вопреки провозглашённой центром независимости от РМО образовательных учреждений, Владивостокское музыкальное училище продолжало сохраняться в ведении Владивостокского отделения РМО. В Отчёте, адресованном этим отделением во Вла-

дивостокское Городское Самоуправление (от 17.06.1922 г. Рег. № 405, п. 1) читаем: «Владивостокское Отделение Русского Музыкального Общества, существующая с 1909 года, преследует исключительно культурно-просветительские цели, для чего имеет Музыкальное Училище, подготовляющее преподавателей музыки, регентов, дирижёров, артистов, певцов и музыкантов»¹⁰. Далее преемственность имперской культурной политике зафиксирована п. 5, где сказано: «Владивостокское Училище – единственная сохранившаяся ячейка огромной Всероссийской организации, высоко несшей знамя Императорского русского Музыкального Общества, плодами которого пользуется сейчас весь культурный мир, кроме России». Здесь же имеется историческая справка: «Даже Петроградское отделение не существует <...> Директор, известный Глазунов бежал в Ревель»¹¹.

Сохраняя в своей работе содержательную многовекторность, присущую исходной конструкции ИРМО, Дальневосточное РМО обеспечило на региональном уровне реальную связь исторических эпох. Сущность преемственности проявилась и в наследовании образовательных традиций исполнительских школ, и в направлениях и методах работы, и в организации просветительских программ. Носителями педагогических традиций во Владивостокском музыкальном училище стали его преподаватели. Анализ отчётных документов училища показывает устойчивость кадрового состава, который в большинстве своём сохранился от времени царской России. З. М. Сергеева-Иванина (класс фортепиано; директор училища), А. Л. Заседателев (хоровой класс), В. М. Босич (класс теории и сольфеджио 1-го года, оперный класс), У. Ю. Ласка (класс гармонии и сольфеджио

– 2-го года), А. Н. Соловьёва (класс пения, оперный класс), В. Е. Векслер (класс скрипки) – все они вместе с выпускниками Санкт-Петербургской консерватории, прямыми носителями традиции первого профессионального высшего музыкального образования в России – Е. Г. Хуциевой (класс фортепиано) и С. Н. Лугарти (основатель оперного класса в училище, также вёл класс пения)¹² обеспечивали транзит музыкального наследия ИРМО в период политической модернизации страны. В отличие от прежней практики частно-государственных инвестиций на содержание училища, в управленческих структурах ДВР росло понимание в необходимости перехода на государственное финансирование. В любом случае в формулируемой новой образовательной стратегии продолжало доминировать стремление к сохранению социально-ориентированного управления. Последнее, в отличие от современных стратегий мировой практики, использующих в образовании рыночные механизмы, выгодно отличалось от них. Главное, в нём отсутствовало аксиологически неразрешимое противоречие «академическая музыка – духовная ценность» и «академическая музыка – товар», а также всевозможные управленческие решения, мотивируемые доходностью вне идеи «общественного блага».

Помимо практики бизнес-управления, получали реализацию просветительская и филармоническая работы РМО, которые тоже нашли отражение в Отчётах РМО, в региональной печати. Из Отчёта РМО в ДВР за 1921–1922 годы узнаём о Юбилейном концерте 5 ноября 1921, о благотворительном концерте 1 января, о просветительских лекциях по истории русской музыки 12 февраля и 25 марта, о симфонических концертах 18 и 30 апреля; о четырёх ученических

концертах: 6 ноября, 21 декабря, 29 января и 7 марта. Указана даже общая сумма частного сбора за эти концерты: 130 рублей¹³. В подшивках газеты «Красное знамя», где публиковались объявления и рецензии на концерты РМО, нередко встречаются высказывания современников, подобные этому: «Поражаешься энергии людей, пропагандирующих серьёзную музыку; удивляешься неумолимости Векслера, выступающего и с лекцией о Бетховене, и с пояснениями к пьесам, и играющего лично во всех отделениях»¹⁴. Такие заметки позволяют ощутить пульс эпохи, живое дыхание времени. Они же свидетельствуют о наследовании тех форм и методов работы, которые были апробированы ИРМО и повсеместно внедрялись для достижения поставленных уставных целей. Они обеспечивали географическую включённость всех регионов в созидательный процесс культивирования России в музыкальном отношении, возводили прочное основание для работы на перспективу. В этом процессе преемственность поколений стала важным фактором жизни общества. Превращая музыкальное искусство в рычаг социальной интеграции, преемственность сохраняла целостность социума, определяла векторы его музыкального развития, поддерживала идентичность социальных групп, где с помощью интегративных учебно-образовательных методик, методик активного обучения музицированию обреталась осознанная связь с общим процессом развития нового общества.

Марк Абель в статье «Музыка, классы и партия в России 1920-х годов» («Music, class and party in 1920s Russia») говорит о «невероятной музыкальной активности» [8, p. 117] даже в той «ужасной ситуации, в которой оказалась страна под воздействием гражданской войны и экономической

блокады» [Ibid.]. Нелишне напомнить, что подобная музыкальная активность на многие годы вперёд была обеспечена системной деятельностью ИРМО, её мощным потенциалом к развитию. Созданные в рамках деятельности ИРМО отечественные композиторская и исполнительские школы, представителями которых были выдающиеся музыканты братья А. и Н. Рубинштейны, П. Чайковский, С. Танеев, Э. Направник, В. Сафонов, А. Глазунов, М. Ипполитов-Иванов, С. Рахманинов, вряд ли могли быть не замечены большевистской властью. Именно поэтому, говоря о том, что в 1920-е годы российской властью уделялось внимание «просвещению населения в существующем художественном наследии» [Ibid.], нужно хорошо представлять историю вопроса, его исходные импульсы.

Специальное изучение деятельности РМО в ДВР убеждает, что любая оценка состояния музыкальной жизни постимперской России не может быть объективной без учёта первоначального опыта ИРМО в строительстве музыкальной инфраструктуры страны, эффективного функционирования её институций. Но-

вые социально-экономические процессы, обусловленные советизацией и политической корректировкой музыкального проекта царской России, не позволили принять его во всей полноте, однако дали возможность адаптироваться к нему, сбегая прошлое, избежав конфликтов поколений. Изучение истории адаптации РМО в ДВР раскрывает суть процесса обретения связи с историей, с системой ценностей. Даже занижение роли наследия ИРМО в строительстве музыкальной жизни советской России, обусловленное политическим желанием умолчать о позитивном опыте имперского прошлого, позволяет говорить о глубокой укоренённости последнего в культурной почве. Первоначальная идея культивации России в музыкальном отношении с её многовекторной работой оказалась вполне жизнеспособной даже при дефрагментации конструкции ИРМО. Сохранив исходно заданные основы работы в каждом из уже отдельно взятых векторов, она выгодно отличается от многих последующих отечественных моделей, ориентированных более на настоящее, нежели на долгосрочную перспективу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 15–19 октября 2018 года в Уральской государственной консерватории имени М. П. Мусоргского была проведена международная конференция «Императорское Русское музыкальное общество: на переломах истории». Сопредседателем конференции выступило Некоммерческое партнерство «Содействия развитию русского музыкального искусства “ИРМО”». Конференция прошла под знаком 160-летнего юбилея РМО/ИРМО. Она актуализировала необходимость изучения РМО/ИРМО как выдающегося явления в истории российской культуры, констатируя, что значительное число тем и сюжетов из его истории ещё предстоит изучить и осмыслить. По концентрации тематики, по охвату связанного с ней круга вопросов, по географии участников, представивших богатый материал о региональных отделениях РМО/ИРМО, данный форум стал событием, которое раскрыло панораму качественно нового знания об РМО/ИРМО. (См.: Городилова М., Коробова А. Императорское Русское музыкальное общество: уроки истории // Музыкальная академия. 2019. № 1. С. 225–230; Научный вестник Уральской консерватории. Вып. 17: материалы

междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: УГК, 2019. 250 с.). Материалы юбилейной конференции нашли отражение в специальных выпусках научных журналов: «Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship», 2018, № 4 (<http://journalpmn.ru/>); «ИКОНИ / ICONI», 2019, № 1 (<http://journaliconi.com/>), поддержавших научное сообщество и обеспечивших возможность скорейшего представления новейших научных результатов.

² Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р.

³ См.: Глава II. Современное состояние и сценарии реализации Стратегии. Раздел 1. Современное состояние и основные проблемы государственной культурной политики.

⁴ Устав Русского Музыкального Общества 1859 г. // Российский государственный исторически архив. Ф. 1286. Оп. 27. Д. 267.

⁵ ДВР провозглашена на созванном большевиками съезде трудящихся Забайкалья в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ). На съезде было избрано Временное правительство ДВР. Столицей стал город Верхнеудинск, а с 22 октября 1920 года – Чита.

⁶ Идея создания ДВР как «буферного» государства между РСФСР и «странами-гигантами тихоокеанского региона» – США и Японией – принадлежит Политическому центру, созданному 26 ноября 1919 года в Иркутске по инициативе Земской управы. «Задачи Политцентра определились в его декларативном заявлении, опубликованном в декабре 1919 года: 1. Прекращение состояния войны с Советской Россией. 2. Продолжение борьбы с поддерживаемой Японией внутренней контрреволюцией. 3. Ликвидация интервенции и установление договорных отношений с союзниками» [1, с. 16].

⁷ См.: Устав Русского музыкального общества: проект, принятый Главной Дирекцией в заседаниях 8-го, 16-го и 24-го марта 1918 г. // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-87. Оп. 1. Д. 187. Л. 16–22 (об.).

⁸ Декрет Совета Народных Комиссаров. О переходе Петроградской и Московской Консерваторий в ведение Народного Комиссариата Просвещения № 581 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1942. С. 670. URL: <http://istmat.info/node/30603> (дата обращения: 14.01.2020)

⁹ Цит по: Шапова Е. В. Деятельность Императорского Русского Музыкального Общества в немецкоязычной музыкальной критике начала XX вв. // Музыка в системе культуры: научный вестник Уральской консерватории. Вып. 17. Императорское Русское музыкальное общество: на переломах истории: материалы междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: УГК, 2019. С. 60.

¹⁰ Отчёт // Российский государственный исторически архив Дальнего Востока. Ф. 28. Оп. 4. Д. 222. Л. 1 (Денежный отчёт за 1921–1922 учебный год, отчёт Директора Училища об учебной жизни за истекший год и его же краткий обзор деятельности Дирекции).

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² Отчёт // Российский государственный исторически архив Дальнего Востока. Ф. 28. Оп. 4. Д. 222. Л. 5–5 (об.).

¹³ Отчёт // Там же. Л. 2 (об.).

¹⁴ Красное Знамя. 1920. 17 мая. № 77. С. 3.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаренков А. А. «Демократический компромисс»: идея «буфера» на Дальнем Востоке в планах и тактике политических сил участников гражданской войны России (январь 1920 – январь 1921 гг.): монография. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсомольского-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2001. 152 с.

2. Галлямова Л. И. Дальний Восток СССР в годы нэпа: тенденции и особенности современной историографии // Россия и АТР. 2012. № 3. С. 55–71.
3. Сонин В. В. Становление Дальневосточной республики (1920–1922). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1990. 352 с.
4. Стариков И. В. Исторический опыт конституционного строительства непризнанного государства (на примере Конституции ДВР 1921 г.) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 1. С. 18–30. DOI: 10.7256/2409-868X.2017.1.17450.
5. Фиденко Ю.Л. Музыкальная жизнь Владивостока и местное отделение Императорского Русского музыкального общества (1909–1920). Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2018. № 4. С. 187–192. DOI: 10.17674/1997-0854.2018.4.187-192.
6. Abel M. Music, Class and Party in 1920s Russia // International Socialism Journal. 2019. No. 164, pp. 113–138. (03.09.2020).
7. Garipova Ninel F. Amateur Piano Music-Making and the Ufa Section of the Imperial Russian Musical Society // IKONI / ICONI. 2019. № 1. С. 73–82. DOI: 10.33779/2658-4824.2019.1.073-082.
8. DeVereaux C. Arts and Cultural Management: Sense and Sensibilities in the State of the Field. London; New York: Routledge, 2019. 314 p.
9. Dubrovskaya Marina Yu. To Study the Activities of the Imperial Russian Musical Society in the Crimea // IKONI / ICONI. 2019, No 1. С. 83–91. DOI: 10.33779/2658-4824.2019.1.083-091.
10. Efimova N. I. The Innovations of the Imperial Russian Musical Society of the Second Half of the 19th Century: The Dialogue between the Government and the Musical Community // Problemy muzykal'noj nauki / Music Scholarship. 2018. No. 4, pp. 154–160. DOI: 10.17674/1997-0854.2018.4.154-160.
11. Parts L. The Russian Province as a Cultural Myth // Studies in Russian and Soviet Cinema. 2006. Vol. 10. No. 3, pp. 200–205.
12. Sablin I. The Far Eastern Republic, 1905–1922. Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after the Russian Empire. London; New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2019. 300 p.

Об авторах:

Ефимова Наталья Ильинична, доктор искусствоведения, профессор, проректор по научной работе, Академия хорового искусства имени В. С. Попова (125565, г. Москва, Россия), **ORCID: 0000-0002-0672-657X**, efimova_natalia@list.ru

Крапива Алина Игоревна, аспирантка кафедры истории и теории музыки, Академия хорового искусства имени В. С. Попова (125565, г. Москва, Россия), **ORCID: 0000-0001-5780-1843**, krapiva_alina@list.ru

REFERENCES

1. Azarenkov A. A. «*Demokraticheskiy kompromiss*»: ideya «*bufera*» na Dal'nem Vostoke v planakh i taktike politicheskikh sil uchastnikov grazhdanskoy voyny Rossii (yanvar' 1920 – yanvar' 1921 gg.): monografiya [The “Democratic Compromise”: The Idea of the “Buffer” in the Far East in the Plans and Tactics of the Political Forces of the Participants in the Russian Civil War (January 1920 – January 1921): Monograph]. Komsomolsk-on-Amur: Publishing House of Komsomolsk-on-Amur State Pedagogical University, 2001. 152 p.

2. Gallyamova L. I. Dal'niy Vostok SSSR v gody nepa: tendentsii i osobennosti sovremennoy istoriografii [The Far East of the USSR During the NEP Years: Trends and Features of Modern Historiography]. *Rossiia i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region]. 2012. No. 3, pp. 55–71.
3. Sonin V. V. *Stanovlenie Dal'nevostochnoy respubliki (1920–1922)* [The Formation of the Far Eastern Republic (1920–1922)]. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 1990. 352 p.
4. Starikov I. V. Istoricheskiy opyt konstitutsionnogo stroitel'stva nepriznannogo gosudarstva (na primere Konstitutsii DVR 1921 g.) [The Historical Experience of Constitutional Construction of an Unrecognized State (on the Example of the Far-Eastern Republic Constitution of 1921)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical Research]. 2017. No. 1, pp. 18–30. DOI: 10.7256/2409-868X.2017.1.17450.
5. Fidenko Yu. L. Muzykal'naya zhizn' Vladivostoka i mestnoe otdelenie Imperatorskogo Russkogo muzykal'nogo obshchestva (1909–1920) [The Musical Life of Vladivostok and the Regional Section of the Imperial Russian Musical Society (1909–1920)]. *Problemy muzykal'noj nauki / Music Scholarship*. 2018. No. 4, pp. 187–192. DOI: 10.17674/1997-0854.2018.4.187-192.
6. Abel M. Music, Class and Party in 1920s Russia. *International Socialism Journal*. 2019. No. 164, pp. 113–138. (03.09.2020).
7. Garipova Ninel F. Amateur Piano Music-Making and the Ufa Section of the Imperial Russian Musical Society. *IKONI / ICONI*. 2019. No. 1, pp. 73–82. DOI: 10.33779/2658-4824.2019.1.073-082.
8. DeVereaux C. *Arts and Cultural Management: Sense and Sensibilities in the State of the Field*. London; New York: Routledge, 2019. 314 p.
9. Dubrovskaya Marina Yu. To Study the Activities of the Imperial Russian Musical Society in the Crimea. *IKONI / ICONI*. 2019. No. 1, pp. 83–91. DOI: 10.33779/2658-4824.2019.1.083-091.
10. Efimova N. I. The Innovations of the Imperial Russian Musical Society of the Second Half of the 19th Century: The Dialogue between the Government and the Musical Community. *Problemy muzykal'noj nauki / Music Scholarship*. 2018. No. 4, pp. 154–160. DOI: 10.17674/1997-0854.2018.4.154-160.
11. Parts L. The Russian Province as a Cultural Myth. *Studies in Russian and Soviet Cinema*. 2006. Vol. 10. No. 3, pp. 200–205.
12. Sablin I. *The Far Eastern Republic, 1905–1922. Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after the Russian Empire*. London; New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2019. 300 p.

About the authors:

Natalia I. Efimova, Dr.Sci. (Arts), Professor, Vice-Rector for Research, Victor Popov Academy of Choral Art (125565, Moscow, Russia), **ORCID: 0000-0002-0672-657X**, efimova_natalia@list.ru

Alina I. Krapiva, Post-Graduate Student at the Department of Music History and Theory, Victor Popov Academy of Choral Art (125565, Moscow, Russia), **ORCID: 0000-0001-5780-1843**, krapiva_alina@list.ru

